

*(С жителем села Жуланка Кочковского
района Новосибирской области, старшиной
в отставке Булгаковым И. М.)*

*Памяти отца
Карасёва Василия Ефимовича*

1

Снова мы о войне.
Вновь победная дата.
Как не встретиться мне
С престарелым солдатом...
    Шла война пострашней,
    Чем любые лавины.
    Гибли женщины в ней,
    А не только мужчины.
Гибли бабки, деды,
Гибли малые дети...
И ужасней беды
Не припомнить планете.
    На убой шла война,
    Преступления множа...
    И поныне страна
    Оклематься не может.
Вот прошло пятьдесят...
Вроде дальние дали,
А в нас пули сидят,
Словно Мы воевали.

В общем, может быть, да!

И моё поколение

Воевало тогда...

Тоже шло в наступление.

    Возводились мосты

    Из Барабинской пыли,

    И растили мы хлеб,

    И солдат мы кормили...

И захлёб выли, в стон,

Убежавши в сторонку,

Как хромой почтальон

Приносил похоронку.

    Голодал я и стыл

    Без отца не от стужи.

    ... Ну а всё-таки ... – тыл.

    На войне было хуже?

Как мне было сейчас

Не явиться к обеду?

Не спросить глаз на глаз

Про войну и победу?

    Мы сидим за столом,

    В кулаках рюмки сжаты...

    Как мне с ним о былом,

    Что минуло когда-то.

И незванный я гость...

Сам себе депутатом,

И во мне, словно гвоздь:

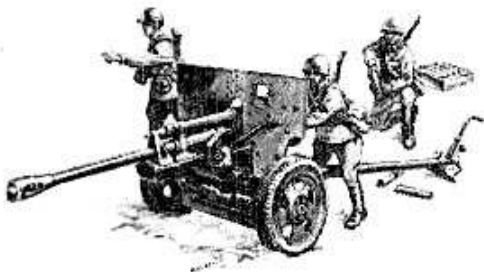
Как вы там-то, солдаты?

    Ведь война шла, война.

    Мы без вас вырастали.

    Расскажи, старина,

    Как вы там воевали?

2

– Ну что сказать тебе на это?

Да, я теперь уж старина...

Но... нет единого ответа

На твой вопрос: почём война?

Как рассказать тебе толково?

Война! И слово-то одно!

Война! Не поле Куликово,

И даже не Бородино.

Не бой один. Не битва – сеча!

Куда там наша старина.

Война была все-че-ло-ве-чья!

Ну, мировая ведь война.

Война от моря и до моря!

Мир не видал ещё страшней.

И столько муки, столько горя!!!

Мы ж это видели на ней.

Мы это знали. Знали, знали...

Читали вот в таких глазах.

И потому мы воевали

За вашу жизнь, а не за страх.

Да, мы за совесть воевали,
На совесть мы вели войну.
За эти вот степные дали...
Ну, в общем-целом – за страну.
А каждый мы, отдельно каждый,
Свою с врагом вели войну.
За треугольничек бумажный,
За мать, детишек, за жену.
Я воевал не за планету,
Я за деревню воевал.
Такую, как Жуланка эта,
За «Кочки» или наш «Вокзал»¹.
За каждый колок одинокий,
За безымянный холм, Урал,
За Карасук наш неширокий...
Я Днепр и Вислу, Нарев брал.
Да, кстати, Нарев. Вот запало...
Не узок он и не широк...
На нём Остролинка стояла –
Посёлок. Может, городок.
Почто стояла? Уж, наверно,
Стоит ещё. И будет впрок...
Так вот, под нею беспримерный
Фашисту дали мы урок.
Представь: большой массив
сосновый –
Полесье с польской стороны.
Идёт на запад тракт почтовый.
Дорога – во! – для нужд войны.
Массив тот просеки пронзают
И, как сырую колбасу,

¹ «Кочки», «Вокзал» – населённые пункты в Новосибирской области.

Большак на дольки разрезают,
Мы – в дольках тех, но лишь в лесу.

Да! Мы-то, мы, но с нами пушки,
Дивизионные ЗИСы...

Нет, полковые – те, как чушки –
Короткоствольные носы.

У нашей – ствол единорога,
И миллиметры в пушке есть,
Не так уж чтобы очень много,
Но всё же – семьдесят... и шесть.

Шёл сорок пятый. Но не сдохшей
Война тогда ещё была.

Стоял февраль. И в этой Польше
Земля оттаяла, плыла.

В лесу сосновом, знаешь, запах...

Лежи да думай про жизнь...

По большаку текло на Запад
Огромной массой фашистьё.

Ну, там уж ясно без рассказов:

Перестреляли мы их тут...

Со злостью били. Прямо сразу,

Лишь в «панораму» попадут.

Мы грузовик с пехотой разом

Похоронили без могил.

Но танк, невидный – дым, зараза –

Нас первым выстрелом накрыл.

Как не бывало «панорамы»...

И жизнь у Жилина одна...

Отвоевались? Нет, упрямы

Мы, россияне, коль война.

Был заряжающим наш Жилин.

Вот был, да сплыл... И был таков.

Служил средь нас один «двужильный»
Боец – Ванюша Утенков.

Призвался он из Духовщины
(есть под Смоленском городок).

Война ж – такая чертовщина:

Из парня сделала мужчину

И злость в него вдохнула впрок.

Так вот, над этим городишком

Фашист восласть полютовал:

Ни разъединого домишка,

Ни печки нет. Жильё – подвал

(я после у него бывал).

Он знал тогда уже об этом.

Его семье не повезло –

Ни стариков, ни крыши нету,

Невесты нет. Осталось зло.

Он вымещал его с размахом,

Всю душу вкладывал свою.

Казалось, он рождён без страха.

Казалось, он горит в бою.

Вот он-то мне и предлагает:

– Давай, старшой, под самый тракт,

Покуда немец отдыхает,

Переберёмся аккурат.

Поток иссяк у вражьей силы.

Пусть отдыхают до поры...

– Но как же мы втроем осилим?

Ведь в ней же тонны полторы!

А грязь по ось, ты понимаешь,

Стратег гнилой? Ведь ты не вол.

А как стрелять? Соображаешь?

А брать прицел, что, через ствол?

Ты что, не помнишь, как бывало,
Как на позицию бегом
В неё команда запрягала
Борзых коней четвериком.

– Старшой, ты знаешь, я не «урка».

Что прёт фашист – я виноват?

Пускай завидует мне Бурка,

Да, я не лошадь, я – солдат.

– Мы здесь в земле зарыты, Ваня.

Снаряды в ровиках у нас.

– И там зароем – не достанет.

Свинья не съест, коль Бог не даст.

И мы втроём, держась за скобы,

Станину взяли на пупок.

Надулись вены, лопнуть чтобы,

Но пушка тронулась чуток.

По сантиметру и по метру,

Катя оружие вперед,

Прошли мы тыщи километров,

А тут и метров-то шестьсот...

Благословила нас удача,

Вкопались прям под большаком.

Для штыкового боя, значит.

И впрямь, что хоть коли штыком.

Но быстро – рассказать всё это,

И в сказках присказка не зря.

А мы копались до рассвета,

Три маломощных пушкаря.

Ну ладно. Потные, как черти,

И каждый, где упал – уснул.

Уж упластались – рады смерти...

А тут с Востока слышим гул.

Моторов танковых надсада
Взбодрила даже как-то нас.
Мы знали: в просеках засада
Причешет холку им сейчас.

Конец военного антракта!

Раз пир пойдёт, то мы – за стол!

На то и выкатились к тракту,

Чтоб целить прямо через ствол.

Душа сжималась от досады,

Что головному не влечь,

А бить по первым нам не надо,

К другим их нужно пропустить.

Я – командир. Беру наводку.

Ну, то есть пушку навожу.

Через стальную дуру-глотку

На «тигра» ихнего гляжу.

И началось... Тут не с милашкой

Подсолнух лузгать под гармонь.

Снаряд в казённый чтобы – пташкой,

Затвор закрыл – и, враз, огонь!

Ребята только успевают

Подать снаряды до ствола.

Я навожу и сам стреляю,

Сам раскалится добела.

А как? Война – на выживание.

Не я его, так он – меня.

Тут надо максимум вниманья,

И злости надо. И – огня!

Они нас вычислили тоже.

Не так прицельно, с ходу бьёт,

Но рядом, гад, снаряды ложит

И развернуться не даёт.

Ну всё же, хоть и без комфорта,
Война – работа... ого-го!
Побили вражеского чёрта,
В пух распушили мы его.

Потом уже, как говорится,
И раны стали мы считать.

Работать.

Вкалывать.

Трудиться...

Вот что такое – воевать.

3

Умолк старик. Переживает.
Локтями в стол как будто врос.

И ясно: видимо, считает –
Ответил он на мой вопрос.

Война – работа и работа.

До раскалённости сердец.

До крови – пот. И кровь – до пота.

До самой смерти, наконец.

И тишина повисла в хате.

И я молчу. Нельзя прервать

Воспоминания в солдате

О том, как надо воевать.

Он, может быть, в местах неблизких

Бредёт дорогами войны,

И нет ему весны сибирской,

Меня нет, нету тишины...

Нарушил думы я солдата –

Пошевелился, сдвинув стол:

А как же, мол, без результата?

Не зря же целил через ствол...

Он, вроде, понял, но не очень.
Я вижу: там он, где и был.
И тихо, как бы между прочим,
Сказал: Два танка я подбил.

4

В его рассказе часто очень
Девиз один бывал вплетён.
Я передал рассказ короче
И упустил: «таким путём».

Таким путём. Ничуть не легче,
Они, защитники Земли,
Взвалив на собственные плечи,
До нас Победу донесли!

с. Жуланка. 1995 г.

Публикация В.В. Карасёва

